

Из-за ограничений в объеме, в данной статье была представлена лишь часть исследования и проанализированы только наиболее яркие культурные заимствования и их отражение в С-Э *the Mobspeak*.

Результаты данного исследования могут быть использованы при детальном изучении вопросов языковой и концептуальной картины итало-американской мафии, а также всего криминального мира США.

Литература

1. Бакалінський М. Л. Гендерно-оцінний компонент фразеологізмів соціо-етнолекту *the Mobspeak* // Культура народів Причорномор'я. – 2006. – № 82. – Т. 1. – С. 21-23.
2. Бакалінський М. Л. Фразеоречення соціо-етнолекту *the Mobspeak*: лінгвокультурологічний та лінгвокогнітивний аспект // Мова і культура. – 2007. – Вип. 9. – Т. V (93): Національні мови в їх специфіці і взаємодії. – С. 232-237.
3. Васильєва Л. Національна ідентичність, мова та культура // Вісник Львівського університету імені Івана Франка. – Серія філологічна. – 2004. – Вип. 35. – С. 373-382.
4. Загребельний П. А. Роксолана: Роман. – К.: Дніпро, 1983. – 583 с.
5. Кравченко А. И. Культурология: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2001. – Библиотека по культурологии «Культурология: теория, школы, история, практика». Available at <http://www.countries.ru/library/theory/dynfric.htm>.
6. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.
7. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг: Соціальна диференціація української мови. – К.: Критика, 2005. – 464 с.
8. Стивенсон Р.-Л. Остров сокровищ. Пер. с англ. – М.: Детская литература, 1974. – 207 с.
9. Analyze this. – 1999, Warner Bros. Pictures International, USA. – субтитры.
10. Davis J. H. Mafia dynasty. The rise and fall of the Gambino crime Family. – Harper Paperbacks, 1994. – 528 p.
11. Pistone J. K. The way of the wiseguy. – Philadelphia/L: Running Press, 2004 – 224 p.
12. Rastall P. English in a historical perspective – a neglected inheritance? // English Today. – April 2002. – Vol. 18. – № 2. – P. 28-32.
13. Sapir E. Appraisals of his life and work / Ed. by Koerner Konrad. – Philadelphia: John Benjamins, 1984. – 250 p.
14. Sifakis C. Mobspeak: the dictionary of crime terms. Checkmark books, 2003. – 352 p.
15. Sociolinguistics // Macmillan Reference USA's Encyclopedia of Sociology / Ed. by Grimshaw A. D. – Macmillan Reference USA Digital, 2001.
16. The oxford dictionary of modern slang / John Ayto, John Simpson. – Oxford University Press: Oxford/NY. 1992. – 299 p.
17. Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language // Language, culture, and personality, essays in memory of Edward Sapir / Ed. by Leslie Spier. – Menasha, Wis.: Sapir Memorial Publication Fund, 1941. – P. 75-93.

Баландина А. А.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ИКОНОПИСИ XVI-XVIII ВВ.)

В последние десятилетия активно изучалась промысловая и ремесленная терминология старорусского периода: рыболовецкая, строительная, соляная, железоделательная и др. [2]. Между тем лексика иконописного дела средневековой Руси к началу 90-х годов XX века осталась практически неизученной – в силу экстралингвистических причин.

Отдельные термины иконописания рассматривались и ранее. Назовем в этой связи диссертацию Л. Г. Фридендлер «История терминов изобразительного искусства: икона, фреска, мозаика, гравюра (XI-XVIII вв.)». В работе изучена семантика и валентность слова «икона» в разные периоды истории языка, однако составные наименования (СН) не попали в поле зрения исследователя.

Активность способа синтаксической деривации – создания СН – отмечали многие исследователи старорусских терминологий (Г. П. Снетова, Ф. П. Сороколетов, Ю. И. Чайкина и др.).

Изучение рукописных и опубликованных памятников деловой письменности XVI-XVIII вв. (в основном это описи имущества и приходо-расходные книги церквей и монастырей Севера России, хранящиеся в ГАВО, ЛОИИ) позволило выявить более 300 наименований, имеющих отношение к иконе. (Материалы нашли применение в лексикографической практике [1].) Слова можно разделить на группы: «названия икон», «названия материалов иконописи», «названия рабочих операций», «названия профессий» и др.

В первой группе лексика делится по признакам номинации: изображение, основа, техника, размер, наличие оклада, назначение.

В настоящей работе рассмотрим более подробно группу наименований икон по назначению, а конкретно – по месту в иконостасе. Задача данной работы – с помощью анализа семантической структуры СН выявить способ терминологизации общеупотребительных слов.

Отметим здесь, что в отечественном языкознании метод компонентного анализа активно применяется для изучения лексики в синхронии и диахронии (работы Э. В. Кузнецовой, К. П. Смолиной, Д. Н. Шмелева и др.)

Семема лексического значения слов **икона** и **образ** в свободном употреблении включает 3 семы: 1) 'изображение', 2) 'святого' (под словом «святой» понимается любое изображение: Богородица, Спас, Николай Чудотворец и т. д.), 3) 'предмет культа' – и 4) потенциальные семы: 1) 'на деревянной основе', 2) 'живописное', 3) 'человека', 4) 'находящееся в церкви'.

В рамках СН – названий икон по их месту в иконостасе – актуализируются разные семы.

Иконостас отделяет алтарную часть храма (место совершения литургии) от помещения для молящихся. Классический иконостас к XVI веку состоял из пяти ярусов: местного, деисусного, праздничного, пророческого и праотеческого.

Самым древними ярусами (еще в храмах Византии) были деисус и праздничный ярус, которые составляли с крестом невысокую преграду. В XV веке иконостас был дополнен пророческим рядом, в XVI – праотеческим. Вероятно, XVI веком (временем окончания формирования иконостаса) можно датировать и появление самостоятельного местного ряда. Выберем для анализа наименования лишь некоторых ярусов.

Иконы из нижнего ряда иконостаса обозначались терминологическими сочетаниями **образ местный** и **икона местная**, выступавшими в двух значениях: 1) 'храмовый образ, находящийся в нижнем ярусе иконостаса справа от царских врат': Да на правой сторонѣ икона мѣстная троица стая [Оп. Иос.-Волок. м., 1545, 1]; 2) 'образ, имеющий постоянное место в нижнем (местном) ярусе иконостаса': Образ Рождество пречистые з деяннем ж и иные местные образа [Сотная Уст. Жел., 1567, 137].

Слово **местный** в свободном употреблении имеет значение 'относящийся к определенному месту или местности' (СлРЯ XI-XVII вв., 9, 111). В рамках СН происходит терминологизация. В семемах слов **икона** и **образ** актуализируется сема 'предмет культа' и потенциальная сема 'находящийся в церкви'. Значение слова **местный** как компонента СН – 'помещенный в нижний ярус иконостаса'.

Семантическая структура СН: **образ (икона)** 'предмет культа' + 'в нижнем ряду иконостаса'.

Качественное изменение, которому подвергаются элементы СН, приводит к расширению круга потенциальных сем словосочетания **образ местный, икона местная** по сравнению с одиночными словами. Помимо указанной семы 'находящийся в церкви', а также 'деревянной основы', можно назвать еще одну – 'большой размер' (по сравнению с иконами других рядов иконостаса). В определенных контекстах потенциальные семы могут актуализироваться, выходить на первое место: А тѢ всѢ вышеписанные 2 мѢсныи и 4 осмилистовые иконы стоятъ въ киотѢ въ старомѣ въ деревянномѣ [Оп. Усп. с., 1701, 586] В данном случае иконы противопоставляются по размеру. **Икона осмилистовая** – 'икона, на фоне которой может уместиться 8 стандартных листов сусального золота'. (Точных размеров листка мы не смогли найти, но, очевидно, речь идет о большой иконе; в рукописях упоминаются также иконы **четырелистовые** и **штилистовые**.)

В древнерусском языке существовали термины **наместница** и **икона наместная** в значении 'храмовая икона'. Если рассмотреть термины в историко-культурном контексте (отсутствие полноценного местного ряда в храмах Древней Руси), можно сделать вывод, что их семантика уже по сравнению с наименованиями **образ местный, икона местная** в старорусский период. Поэтому неправомерна их подача в словарях как абсолютных синонимов (СлРЯ XI-XVII вв., 10, 147).

Наименования **икона наместная, наместница** встречаются в памятниках древнерусской литературы: Инѣ нѣкто христороубецъ дасть сему блаженному икону намѣстную писати [Киево-Печ. патер., XII в., 596]; Что же богородице ... своего пречестнаго образа икону даровавши, и ту намѣстницу постави, отъ неа же чудеса многа сотворяются и донынѣ [Патерик Печ., 8. XV-XIII в.] (СлРЯ XI-XVII вв., 10, 147). В старорусский период эти наименования не употреблялись.

Следующим за местным рядом был деисусный ряд, или чин. **Деисус** – из греч. deisis, 'моление'. Окончание слова испытало влияние слова **Иисус** (отсюда и акцентологические варианты: **деисус** и **деисѹс**). Ср. в древнерусском языке: Бяшетъ же и сѣнь златомѣ украшена от вѣрха и до дѣйсиса [Пов. об убиен. Андр. Богол., XII в., 324].

В старорусский период слово **деисус** имело несколько значений.

До формирования высокого иконостаса **деисус** писался на одной иконе. Позднее деисусная композиция в храмах стала представлять собой целый ряд икон, во всю ширину церкви. Таким образом, основные значения слова **деисус**: 1) 'икона с изображением Спаса в роли судии и молитвенно обращенных к нему Богоматери и Иоанна Предтечи': На восточной сторонѣ деисус на одной дски [Ант.-Сийск. м. Пер. Кн. м. и ц., 1674, 74 об.] – и 2) 'ряд иконостаса с тем же изображением, включающий также образы апостолов, архангелов, отцов церкви и т. д.': Дѣисоус болшеи в тѣлѣ 9 иконъ ... писмо дионисеево [Оп. Иос.-Волок. м., 1545, 1]

Данные памятников позволяют выделить еще одно, третье, значение слова **деисус** – 'каждый из рядов иконостаса, расположенных выше местного ряда'. Наш пример относится к концу XVII в., когда существовали все возможные ряды иконостаса: Да надъ тѣмъ дѣисусомѣ въ другомѣ тѣлѣ дѣисусъ Владычнихъ и Богородичнихъ *праздниковъ* дватцать образовъ... Да въ третьемѣ тѣлѣ, въ срединѣ дѣисуса, образъ пречистые Богородицы Воплощение, да по обѣ стороны того образа четырнатцать образовъ *пророковъ*. Да надъ пророки въ четвертомѣ тѣлѣ въ срединѣ образъ Господа Савофа съ превѣчнымъ младенцомъ, того образъ по обѣ стороны *праотцевъ* семнатцать образовъ [Оп. Павлообн. м., 1683, 167]. По сути, речь идет о следующих за деисусом праздничном, пророческим и праотеческом ярусах, но все они названы «деисусами» [см. также: Археол. сл., 4, в. 2, 53; Дьяченко, 139].

Наименования **икона деисусная, образ деисусный**, а также **деисус** имели еще одно значение, не отмеченное в словарях, – 'икона из деисусного чина', то есть образ Спаса, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангела, апостола и т. д. Деисусы: образъ Всемилистивого Спаса, образъ Пресвятыя богородицы да образъ Иоанна Предтечи [Д. Шаковит. II, 131. 1689-1691 гг.] (КДРС).

Таким образом, у слова **деисус** нами выявлено 4 значения. **Деисус** в первом значении – 'икона с изображением Спаса в роли судии и молитвенно обращенных к нему Богоматери и Иоанна Предтечи' – в отличие от слов **икона** и **образ**, включает дополнительную сему, обозначающую конкретное изображение на иконе. Эта сема присутствует и в слове **деисус** во втором значении – 'ряд иконостаса' – только тут изображение распределено по нескольким иконам. Именно эта сема способствовала появлению третьего значения (уже никак не связанного с первым) – 'любой ряд иконостаса выше местного'. Наконец, четвертое значение слова **деисус** – 'икона из деисусного ряда' – отличается от первого другой дополнительной семой, обозначающей иное изображение.

Составные наименования **икона деисусная, образ деисусный** выступают как синонимы слова **деисус** лишь в первом и четвертом значениях.

Таким образом, изучение семантической структуры СН позволяет исследовать процесс терминологизации как актуализацию определенных сем компонентов в рамках СН, а также охарактеризовать семантические модели СН.

Дальнейшее изучение лексики иконописи, привлечение современных источников (один из возможных вариантов – так называемые «форумы» в Интернете, где современные иконописцы обмениваются секретами мастерства) позволило бы создать полный словарь иконописной терминологии: от древности до наших дней. Работа над ним должна объединить лингвистов, искусствоведов и богословов.

Литература

1. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв. Выпуск 1. А-И. – СПб., 2003. Выпуск 2. К-О. СПб., 2005.
2. Чайкина Ю. И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект (на материале деловой письменности Северо-Восточной Руси) // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999. С. 3-12.

Список сокращений

- Археол. сл. – Материалы для археологического словаря // Древности. – Т. 4. – Вып. 2. – М., 1880.
Ант.-Сийск. м. Пер. кн. м. и ц. Антониев Сийский монастырь. Переписные книги монастырей и церквей приписных к Сийскому монастырю. 1659-1688 гг. // ЛОИИ. Ф. 5. Оп. 2. № 15.
ГАВО – Государственный архив Вологодской области.
Дьяченко – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). Репринтное воспроизведение издания 1900 г. – М., 1993.
Киево-Печ. патер. – Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М., 1980.
ЛОИИ – Архив Ленинградского отделения Института истории РАН.
Оп. Иос.-Волок. м. – Описание Иосифова Волоколамского монастыря 1545 г. // Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. – СПб., 1911. Приложение.
Оп. Павлообн. м. – Описание Павлообнорского монастыря Вологодской епархии 1683 г. // Известия императорского Археологического общества. – СПб., 1865. – Т. V. – Вып. 3. – С. 162-190; – Вып. 4. – С. 260-308.
Оп. Усп. с. – Описание Московского Успенского собора // Русская историческая библиотека. – СПб., 1876. – Т. 3.
Пов. об убиен. Андр. Богол. – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси. XII век (см. выше).
СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975-1991.
Сотная Уст. Жел. – Сотная на посад Устюжны Железопольской. 1567 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства: Досоветский период. – Вологда, 1981. С. 137-177.
См. также сокращения в книге: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI-XVII вв. – М., 1984.

Балашова С. С.

МЕТАФОРИЧНА МОДЕЛЬ «ПОЛІТИКА – ЦЕ БУДИНОК» У НІМЕЦЬКОМОВНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Сучасне зближення метафори й політики, що відбувається на тлі бурхливого розвитку когнітивних досліджень, пов'язано насамперед з переосмисленням самого поняття метафори та її ролі в організації понятійної системи людини.

Сучасна когнітивістика (М. Джонсон, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Варг, І. М. Кобозева, О. С. Кубрякова, А. П. Чудинов та ін.) розглядає метафору як основну ментальну операцію, як спосіб пізнання, структурування, оцінки й пояснення світу. Людина не тільки виражає свої думки за допомогою метафор, але й мислить метафорами, пізнає за допомогою метафор той світ, у якому вона живе, а також прагне у процесі комунікативної діяльності перетворити існуючу у свідомості адресата мовну картину світу.

Концептуальна метафора є результатом відображення знань про одну концептуальну область у іншій концептуальній області, розуміння й сприйняття одного явища у термінах іншого – невід'ємна характеристика метафори, при цьому концептуалізується не окремий ізольований об'єкт, а цілісна картина реального світу, яка використовується для репрезентації й осмислення об'ємного та багатоаспектного абстрактного явища, тому метафору почали вивчати як один із засобів формування мовної або концептуальної картини світу (В. Н. Телія, Б. О. Серебренников, Ю. Н. Караулов, О. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова та ін.). Вивчення цілісності концептуальних систем, зокрема метафоричних концептуальних систем, дозволило виявити деяку загальну систему бачення та розуміння людиною оточуючого її середовища.

Політична сфера – це важлива частина національної культури. Мовна картина політичного світу (картина світу – цілісна сукупність образів дійсності у колективній свідомості [4, с. 104]) являє собою складне об'єднання ментальних одиниць (концептів, фреймів, доменів, гештальтів, сценаріїв, концептуальних векторів, полів), що відносяться до політичної сфери комунікації та політичного дискурсу. Більшість цих одиниць зафіксовані у мові за допомогою слів, складних найменувань, фразеологізмів і тією чи іншою мірою нав'язує людині певне бачення світу, особливо в аспекті його категоризації й оцінки.

Концепти, слоти, фрейми, які утворюють мовну картину політичного світу, можуть належати до різних доменів і субсфер політичної сфери. З часом ці уявлення змінюються, а разом із цим перетворюються мовні одиниці, які відбивають, або «схоплюють» концепти як ментальні одиниці [5, с. 107]. Разом з тим у процесі мовної діяльності відбувається кристалізація нових концептів, для фіксації яких нерідко застосовуються вже готові лексичні одиниці, у тому числі із використанням ресурсів метафоризації.

Метафоричне подання суспільних реалій і процесів як будинку (у тому числі його будівництва, ремонту й руйнування) – одне з найбільш традиційних для політичного мовлення, адже ще з часів Маркса стало прийнятним уявляти собі суспільство як деякий будинок, будову. Ця метафора дозволяє виділити в суспільстві базис (фундамент), різні структури (інфраструктури, надбудови), що несуть опори, блоки, ієрархічні градації. Крім цього, будинок є одним з найважливіших культурних концептів в людській свідомості, це традиційне для світової культури джерело метафоричної експансії [9, с. 97].

У політичній мові образ будинку в переносному, метафоричному значенні традиційно пов'язується з уявленнями про державу як цілісну систему державної влади. Метафора будинку одержала широкий розвиток і різні авторські інтерпретації за рахунок детального опису різних аспектів цієї держави-будинку. Це пов'язано з тим, що понятійна сфера «будинку» має всі необхідні умови для метафоричної експансії. По-перше, ця сфера добре знайома кожній людині, вона детально структурована, всі її фрейми й слоти мають високий асоціативний потенціал і перебувають у колі природних споконвічних інтересів людини. По-друге, вона має високий емоційний потенціал: рідна домівка, рідний дім, власний будинок, домочадці, сімейне вогнище, сімейний побут, облаштованість будинку – всі ці поняття здатні викликати добрі почуття.

Структуру метафоричної моделі «Політика – це будинок» утворюють чотири фрейми: «Будинок в цілому», «Конструкція будинку», «Будівництво, ремонт та перебудова будинку» і «Мешканці і сусіди будинку».

Різні аспекти і функції такої системи представляються як в узагальненому вигляді будинку, так і в різних його конкретних типах: житловому (активізація функції – будинок призначений для житла), стійкому